





very sincerely yours
Allan Quatermain

АЛЛАН КВОТЕРМЕЙН

ГЕНРИ РАЙДЕР ХАГГАРД



Мари
Дитя Бури
Обреченный
Магепя по прозвищу Антилопа



Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Х 13

В оформлении книги использованы иллюстрации
Елены Шипицыной (романы «Дитя Бури», «Обреченный»;
рассказ «Магепа по прозвищу Антилопа»),
Артура Майкла (Arthur Michael, роман «Мари», шмуцтитулы),
Чарлза Керра (Charles Kerr, фронтиспис)

Перевод с английского
Кирилла Королева, Александра Крышана, Натальи Машкиной

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Владимира Гусакова

Иллюстрация на обложке Артура Майкла

Составитель Александр Лютиков

© К. Королев, перевод, 2017
© А. Крышан, перевод, 2017
© Н. Машкина, перевод, 2017
© Е. Шипицына, иллюстрации, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-10401-3

Мари

Эпизод из жизни покойного
Алана Квотермейна



ПОСВЯЩЕНИЕ

Дражайший сэръ Генри!

Минуло почти тридцать семь лет, сменилось целое поколение с тех пор, как мы с Вами впервые увидели берега Южной Африки, вырастающие из морской пучины. С того времени успело случиться многое: аннексия Трансвааля, война с зулусами, Первая англо-бурская война, обнаружение золота в горах Витватерсранда, присоединение владений Родса, иначе Родезии, Вторая англо-бурская война — и множество иных событий, каковые в наши быстротечные времена уже вполне могут считаться событиями древнейшей истории.

Увы! Боюсь, нам придется возвратиться в те края, где ныне мы найдем лишь несколько знакомых лиц! Но все же есть причина — пускай всего одна — не поддаваться грусти. Те исторические события, в которых Вы, будучи правителем Наталя, играли важную роль и в которых мне выпало принять участие, принесли, насколько возможно судить, долгожданный и продолжительный мир в Южную Африку. Сегодня английский флаг веет над территорией от Замбези до Капа. Под его сенью непременно исчезнут все древние распри и застарелые кровные обиды. Туземцы будут жить счастливо и достойно под справедливым правлением — ибо нельзя отрицать, что когда-то эти земли принадлежали им. Таковы, я знаю, Ваши упования, и я эти упования разделяю.

Впрочем, нам предстоит вернуться в Африку более ранних времен. В 1836 году отношения между правительством британской короны и ее подданными голландского происхождения были отравлены ненавистью и взаимными подозрениями. Вследствие освобождения рабов и отсутствия взаимопонимания Капская колония в ту пору находилась едва ли не на грани мятежа, и буры сотнями и тысячами отправлялись искать себе новые дома на неведомом, населенном дикарями севере. Об этих кровопролит-

ных временах я и намерен поведать далее; мое повествование будет о Великом треке и сопровождавших его трагедиях, наподобие коварного убийства прямодушного Ретифа¹ и его спутников по велению зулусского короля Дингаана².

Вы уже прочли мой рассказ и знаете, о чем пойдет речь. Что же я могу сказать в завершение? Только то, что в память о давно минувших днях я посвящаю свое повествование Вам, человеку, чей образ сразу встает перед моим мысленным взором, когда возникает желание представить истинного английского джентльмена. Вашу доброту я никогда не забуду; в память о ней искренне Ваш Г. Райдер Хаггард посвящает эту книгу сэру Генри Бульверу³, рыцарю Большого Креста ордена Святого Михаила и Святого Георгия.

Дитчингем, 1912 год

¹ Ретиф Питер Мориц — идеолог и руководитель («губернатор») Великого трека, то есть переселения потомков голландских колонистов с побережья в центральные районы Южной Африки. Далее автор нередко использует сокращенную африканерскую (бурскую) форму имени Ретифа — Пьет. — *Здесь и далее, если особо не оговорено, примеч. перев.*

² Дингаан (Дингане), сын Сензангаконы, верховный правитель зулусов, на годы правления которого пришелся Великий трек.

³ Генри Бульвер — английский колониальный чиновник и дипломат, в 1880-х годах губернатор Наталя и специальный комиссар по делам зулусов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор выражает надежду, что читатель сочтет не лишенным исторического интереса повествование, изложенное на этих страницах, об убийстве бурского предводителя Ретифа и его товарищей по приказу зулусского короля Дингаана. Если не брать в расчет немногие привнесенные детали, автор полагает свое повествование достоверным и точным.

То же самое, как представляется, можно сказать об описании жестоких страданий, выпавших на долю буров-трекеров, которые скитались по кишевшему заразой вельду и в конце концов сгинули в окрестностях залива Делагоа. Относительно этих страданий и испытаний, в особенности тех, с какими довелось столкнуться Тричарду¹ и его компаньонам, сохранились немногочисленные упоминания в редких современных трудах, что посвящены этой теме. Следует также отметить, что среди буров того поколения было широко распространено убеждение, будто трагическая гибель Ретифа со товарищи, равно как и многие другие несчастья, постигшие трекеров, явились следствием козней англичан, которые якобы злоумышляли против буров совместно с зулусским деспотом Дингааном.

¹ Автор использует английскую форму фамилии Луиса Трегардта, бурского фермера и руководителя одной из первых групп трекеров; в 1836 году буры во главе с Трегардтом двинулись из Капской колонии на север, вынесли по пути немало испытаний и два года спустя вышли к берегам залива Делагоа.

ПРИМЕЧАНИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Нижеследующее объясняет, каким образом рукопись романа «Мари» (заодно с прочими, среди которых и текст, носящий название «Дитя Бури») попала к издателю.

Далее цитируется отрывок письма, датированного 17 января 1909 года и написанного мистером Джорджем Куртисом, братом сэра Генри Куртиса. Последний, о чем следует напомнить, был одним из друзей покойного мистера Аллана Квотермейна и его спутником в том приключении, когда удалось отыскать копи царя Соломона; позднее сэр Генри вместе с мистером Квотермейном бесследно исчез в дебрях Центральной Африки.

Отрывок гласит:

Вероятно, Вы припоминаете, что наш общий дорогой друг, старина Аллан Квотермейн, назначил меня своим единственным душеприказчиком, о чем говорилось в его завещании, заверенном накануне того дня, когда они с сэром Генри отправились на поиски Зу-Вендиса — и погибли. Впрочем, суд счел недоказанным факт смерти мистера Квотермейна, вложил его средства в надежные ценные бумаги, а его поместье в Йоркшире передал, по моему совету, арендатору, который управлял этим поместьем на протяжении двух последних десятилетий. Ныне этот арендатор, увы, отошел в лучший мир, а потому, уступая настоятельной просьбе благотворительных учреждений, поименованных в завещании мистера Квотермейна, и моей собственной (пребывая в ослабленном здоровье, я уже давно стремился сложить с себя эту обязанность), суд наконец, восемь месяцев спустя, согласился разделить имущество старого охотника согласно условиям завещания.

Оные условия, разумеется, предусматривали продажу недвижимости. Прежде чем поместье было выставлено на аукцион,

я побывал там в компании солиситора, назначенного судом. На верхнем этаже, в той самой комнате, какую Квотермейн имел обыкновение занимать, мы нашли запертый на ключ сундук. Мы открыли сундук и обнаружили там множество предметов, совершенно очевидно связанных с событиями ранней жизни Квотермейна и потому для него ценных. Перечислять все эти предметы здесь я не стану, с Вашего разрешения, тем более что в случае моей смерти они перейдут в Ваше владение — таково мое распоряжение как остаточного легатария¹ старины Аллана.

Однако среди этих реликвий нашлась крепкая шкатулка, изготовленная из древесины чужеземного красного дерева, и в ней лежали различные документы, письма, а также несколько рукописей. Причем под лентой, каковой была перевязана пачка бумаг, имелась записка от руки, в которой синими чернилами (и за подписью Аллана Квотермейна) указывалось, что в случае, если с ним что-либо произойдет, эти рукописи надлежит отправить Вам (смею напомнить, сколь высоко он Вас ценил), а Вы должны самостоятельно принять решение, как с ними поступить — сжечь или опубликовать, если сочтете возможным и подобающим.

И потому, по прошествии всех этих лет, поскольку мы с Вами оба живы, я выполняю распоряжение нашего старинного друга и отсылаю Вам рукописи по его поручению. Надеюсь, Вы найдете их любопытными и заслуживающими внимания. Я прочитал текст, который называется «Мари», и остался в искреннем убеждении, что сей текст непременно следует опубликовать. Это поистине удивительная и трогательная история великой любви, изобилующая вдобавок забытыми историческими подробностями.

Текст, носящий название «Дитя Бури», также показался мне достойным внимания как исследование обычаев туземной жизни, да и прочие тексты вызвали немалый интерес; увы, зрение подводит меня все сильнее, и потому я не смог прочесть эти рукописи целиком. Хочется надеяться, друг мой, что я проживу достаточно долго, чтобы увидеть их напечатанными.

¹ Легатарий — преемник дара в пользу конкретного лица по завещанию; имеет право на свою долю наследства только после выплаты из наследственной суммы всех долгов завещателя.

Бедняга Аллан Квотермейн... Поневоле возникает ощущение, будто он внезапно восстал из мертвых! Так, по крайней мере, чудилось мне, когда я листал эти рукописи, где говорилось о тех годах его жизни, о которых в беседах со мной он едва ли вспоминал.

Что ж, я снял с себя ответственность за исполнение этого долга и возложил ее на Ваши плечи. Поступайте с рукописями, как Вам заблагорассудится.

Джордж Куртис

Несложно себе вообразить, сколь я, издатель, был изумлен, когда получил это письмо и прилагавшуюся к нему пачку плотно исписанных листов бумаги. У меня тоже вдруг появилось чувство, будто наш старинный друг восстал из могилы и заглянул ко мне, чтобы поведать несколько историй о своей бурной, исполненной драматических событий жизни — как обычно, спокойным, размеренным голосом.

Первая рукопись, которую я прочел, носила название «Мари». Она посвящена диковинным обстоятельствам, которые выпали на долю молодого мистера Квотермейна, когда он сопровождал злополучного Питера Ретифа и его товарищей-буров к зулусскому деспоту Дингаану. Следует напомнить, что этот поход, этот визит завершился кровавой резней, а мистер Квотермейн и готтентот по имени Ханс оказались единственными уцелевшими. Кроме того, в данном тексте излагаются подробности личной жизни старого (тогда еще совсем молодого) охотника, а именно — как он ухаживал за своей первой женой, Мари Марэ.

Я никогда не слышал от него ни слова об этой Мари — за исключением одного случая. Помню, что по некоему поводу был устроен сельский праздник благотворительного характера и я стоял рядом с Квотермейном, когда ему представили юную девушку, что проживала по соседству и одарила всех нас своим прекрасным пением на этом празднике. Фамилию ее я запомнил, но звали девушку Мари. Он вздрогнул, услышав это имя, потом спросил, французенка ли она. Девушка ответила, что французы были у нее в роду только по материнской линии, со стороны бабушки, которую тоже звали Мари.

«Вот как? — сказал Квотермейн. — В былые годы я был знаком с молодой леди, французенкой по происхождению, кото-

рую звали Мари, как и вас. Да посчастливится вам в жизни больше, чем ей, дитя мое, пускай ее невозможно превзойти ни добротой, ни благородством!»

После чего он поклонился девушке в своей обычной простой, но вежливой манере и отвернулся. Позднее, когда мы остались вдвоем, я спросил у него, о какой Мари он рассказывал нашей сельской красавице-певунье. Он помолчал немного, а потом ответил: «Это моя первая жена, и я очень прошу — не заговаривайте о ней ни со мной, ни с кем-либо еще, ибо ее имя до сих пор словно пронзает мне грудь. Возможно, когда-нибудь вы узнаете обо всем, что было».

С этими словами, к моему великому смятению и смущению, он издал нечто вроде всхлипа и быстро вышел из помещения.

Что ж, прочитав рукопись с названием «Мари», могу сказать, что отлично понимаю его чувства. Я решил напечатать текст практически без правок.

В посылке также содержались другие рукописи, например «Дитя Бури», там излагалась трогательная история прекрасной и, как я, к сожалению, вынужден уточнить, коварной зулуски по имени Мамина, которая причинила немало зла окружающим в те времена и понесла заслуженное возмездие, но не раскаялась в содеянном.

Нашелся и текст, где среди прочего перечислялись истинные причины поражения Кечвайо¹ и его полчищ от англичан в 1879 году, незадолго до встречи Квотермейна с сэром Генри Куртисом и капитаном Гудом.

Эти три произведения так или иначе связаны друг с другом. В частности, во всех трех присутствует пожилой карлик-колдун по имени Зикали, гнусный и жестокий тип; впрочем, в романе «Мари» о нем лишь упоминают применительно к убийству Ретифа, к чему он, несомненно, был причастен, — если не сам все задумал и устроил. Поскольку роман «Мари» идет первым по хронологии (и поскольку его рукопись лежала сверху в упомянутой пачке), он первым же и будет опубликован. Что касается

¹ *Кечвайо* — сын Мпанде (Панды), брата Чаки и Дингаана, верховный правитель зулусов, при котором британцы в ходе Англо-зулусской войны 1879 года фактически подчинили себе Зулуленд.

двух остальных произведений, я надеюсь издать их позже, когда появится возможность.

Будущее, как известно, должно само заботиться о себе. Мы не в силах им управлять, грядущие события неподвластны нашему влиянию. Но все же я надеюсь и уповаю, что те, кто в юности читал о копиях царя Соломона и путешествии в Зу-Вендис, а также читатели помоложе найдут и эти новые главы автобиографии Аллана Квотермейна столь же интересными и захватывающими, какими нашел их я сам.

Глава I

АЛЛАН УЧИТ ФРАНЦУЗСКИЙ

Пускай в весьма почтенном возрасте я, Аллан Квотермейн, и пристрастился, можно сказать, к писательству, никогда прежде не доводилось мне хотя бы словом обмолвиться о своей первой любви, равно как и о приключениях, коими отмечена эта прекрасная и трагическая история. Полагаю, это все потому, что та история всегда представлялась мне поистине священной и далекой, столь же священной и далекой, сколь святы и далеки от нас благословенные Небеса, где нынче пребывает дух прелестной Мари Марэ. Но теперь, на склоне дней, Небо становится все ближе, и по ночам, вглядываясь во мрак среди звезд, порою я будто различаю распахнутые врата, сквозь которые мне предстоит однажды пройти, а за створками, простирая руки навстречу и взирая на меня своими темными, с поволокой, глазами, стоит тень женщины, давно забытой всеми, кроме меня, — тень Мари Марэ.

Это всего лишь фантазии старческого ума, не более того. Но все же я намерен наконец поведать историю, что завершилась столь великой жертвой, историю, вне всяких сомнений достойную предания гласности, хотя и уповаю, что никому на свете не доведется прочесть ее, покуда и мое имя не сотрется из людской памяти или покуда оно, по крайней мере, не окутается пеленою забвения. Не стану скрывать: я рад, что так долго откладывал попытки рассказать о случившемся, ибо только недавно мне стали ясны черты характера той, о ком я собираюсь говорить, и природа той страстной привязанности, которой она щедро оделяла столь недостойного человека, как ваш покорный слуга. Я спрашивал себя, что же удалось мне совершить, чтобы заслужить любовь таких женщин, как мои Мари и Стелла, увы, тоже покинувшая сей мир и единственная, с кем я мог поделиться этой историей? Помнится, я боялся, что Стелла плохо воспримет мой рассказ, но мои опасения оказались беспочвенными. На самом

деле в короткие и счастливые дни нашего брака она часто вспоминала Мари и говорила о ней, а когда обратилась ко мне с последними словами, то сказала, что уходит искать Мари и что они вдвоем будут ждать меня в краю любви, чистоты и бессмертия...

Так или иначе, после смерти Стеллы я совсем перестал думать о женщинах и больше никогда, ни разу за все эти долгие годы не прошептал ни единого нежного словечка другой женщине. Признаюсь, правда, что много лет спустя одна красивая зулуска своими нежными речами вскружила мне голову на добрый час — отдаю должное этой прелестнице, в своем искусстве она была великой мастерицей. Говорю об этом, поскольку намерен быть предельно честным, но не могу не добавить, что через час моя голова (а сердце и вовсе не удалось тронуть) пришла в полный порядок и рассудок вернулся ко мне. Эту зулуску звали Мамина, и связанную с нею историю я собираюсь изложить в другой раз.

Что же касается Мари... Как мне уже доводилось упоминать, я провел юные годы вместе со своим пожилым отцом, священником англиканской церкви, в месте, которое ныне зовется округом Крэдок в Капской колонии.

В ту пору в этой глуши лишь изредка можно было встретить белого человека. Среди наших немногочисленных соседей был фермер-бур по имени Анри Марэ, проживавший милях в пятнадцати от нас, на милой ферме, что звалась Марэфонтейн. Я называю его буром, но, как легко догадаться по имени и фамилии, он происходил из французских гугенотов, и его предок, тоже Анри Марэ (думается, раньше эту фамилию писали немного иначе), одним из первых хранителей этого вероисповедания эмигрировал в Южную Африку, спасаясь от преследований короля Людовика XIV после отмены Нантского эдикта¹.

В отличие от большинства буров того же происхождения, эти вот Марэ — а было и много других семейств, носивших ту же фамилию, — никогда не забывали о том, кем они были раньше. В их семье от отца к сыну передавалось знание французского языка, и между собой они часто говорили на нем, пусть и с ошибками. А сам Анри Марэ, который, насколько я знал, был истово религиозен, имел обыкновение читать отрывки из Библии (у буров было заведено, во всяком случае в то время, начинать таким

¹ *Нантский эдикт* — в 1598 году уравнял в правах католиков и протестантов (гугенотов); с отменой этого эдикта в 1685 году протестанты массово эмигрировали из Франции.

образом каждое утро, если человек умел читать) не на таале, то есть на местном варианте голландского, а на старом добром французском. Та книга, по которой он читал, сегодня принадлежит мне благодаря причудливому стечению обстоятельств: много лет спустя, когда события, о которых я хочу рассказать, давно забылись, я купил ее, среди прочих вещей, на еженедельной распродаже всякого старого добра в Марицбурге. Помню, что, когда я раскрыл огромный фолиант, обтянутый воловьей кожей поверх исходного переплета, и выяснил, кто владел этой книгой ранее, на глаза навернулись слезы. Ошибки быть не могло, ведь в начале и конце книги, по привычке тех дней, были вшиты листы для записей о каких-то важных событиях.

Первые пометки были сделаны рукой Анри Марэ-старшего и повествовали о том, как его с товарищами изгнали из Франции, а сам он лишился отца, погибшего за отказ изменить веру. Далее следовал длинный перечень дат — рождения, бракосочетания и смерти, поколение за поколением; еще мимоходом отмечался факт переезда семьи на новое место жительства, причем непременно по-французски. Ближе к концу списка появились имена того Анри Марэ, которого знал я, и его единственной сестры. Потом было сказано, что Анри женился на Мари Лабушань, тоже из гугенотов. Годом позже записано рождение Мари Марэ, моей Мари, а после долгого перерыва в датах (детей у пары больше не рождалось) было помечено, что умерла ее мать. Сразу после этого шла такая любопытная запись:

«Le 3 janvier, 1836. Je quitte ce pays voulant me sauver du maudit gouvernement Britannique comme mes ancêtres se sont sauvés de ce diable — Louis XIV. A bas les rois et les ministres tyrannique! Vive la liberté!»¹

Отсюда легко заключить, каковы были характер и взгляды Анри Марэ и каковы были настроения среди буров-трекеров в те годы.

На сем записи обрывались, история семейства Марэ завершалась; если судить по хранящейся у меня Библии, эта ветвь прекратила существование.

Последнюю главу их истории я поведаю чуть позже.

¹ «3 января 1836 года. Я покидаю эту страну, пытаюсь спастись от проклятого британского правительства, подобно тому как мои предки спаслись от этого дьявола Людовика XIV. Долой тиранов — королей и министров! Да здравствует свобода!» (фр.)

В обстоятельствах моего знакомства с Мари Марэ не было ничего примечательного. Я не спасал ее от нападения дикого животного, не вытаскивал, насквозь промокшую, из бурной реки, как любят живописать романисты. На самом деле мы с нею были представлены друг другу и затем вели юношеские беседы за большим и прочным обеденным столом, который в остальное время служил колодой для разделки туш. До сих пор, стоит закрыть глаза, я словно наяву вижу сотни зарубок на столешнице, особенно с той стороны, где мне обычно выпадало сидеть.

Однажды, через несколько лет после того, как мой отец перебрался в Кап, хеер¹ Марэ пришел к нам в поисках, если я правильно помню, своих сбежавших волов. Этот худощавый и бородатый мужчина с близко посаженными темными глазами всегда разговаривал и вел себя нервозно и нисколько не походил на типичного бура — во всяком случае, мне так казалось. Мой отец встретил его радушно и пригласил отобедать с нами, на что гость согласился.

Они говорили между собой по-французски, ибо мой отец хорошо знал этот язык, хотя уже давно в нем не практиковался; голландского он избегал, если представлялась такая возможность, а хеер Марэ предпочитал не общаться по-английски. Шанс вести беседу на французском привел его в восторг, и, пускай он изъяснялся на наречии двухсотлетней давности, а мой отец осваивал язык в основном по книгам, они прекрасно понимали друг друга, когда не спешили.

Некоторое время спустя мистер Марэ замолчал, потом указал на меня, крепкого юнца с копной волос на голове и острым носом, и спросил моего отца, не желает ли тот обучить французскому своего сына. Отец выразил согласие с превеликим удовольствием.

— Хотя, — добавил он сурово, — по опыту преподавания греческого и латыни могу сказать, что способности моего сына к обучению вызывают немалые сомнения.

Словом, они договорились, что два дня в неделю я буду проводить в Марэфонтейне и оставаться там на ночь, дабы постигать премудрости французского языка от наставника, которому мистер Марэ уже платил за обучение своей дочери французскому и другим предметам. Помню, что мой отец согласился выпла-

¹ Господин (*африкаанс*).

чивать часть жалования этому наставнику; для прижимистого бура такая сделка была очевидно выгодной.

Когда я в первый раз отправился в Марэфонтейн, мне позволили взять ружье, потому что в вельде между нашим жильем и фермой водились дрофы, большие и малые (их называли соответственно корхаанами и пау), не говоря уже об антилопах, а стрелял я уже тогда вполне прилично. Я выехал в дорогу на пони в назначенный день, и меня сопровождал слуга-готтентот по имени Ханс, о котором я еще расскажу. По пути мне выпало немало возможностей испытать свою удачу в стрельбе, и на ферму мы привезли одну пау, двух корхаанов и одного клипшпрингера¹, которого мне удалось убить, когда он выскочил из-за груды камней впереди.

Ферму окружал персиковый сад, все деревья были усыпаны чудесными розовыми цветками, и я медленно ехал мимо в поисках пути к дому. Вдруг, откуда ни возьмись, передо мной появилась худенькая девочка в платье того же оттенка, что и цветки на деревьях. Я вижу ее как наяву — темные волосы ниспадают на плечи, большие черные глаза смотрят на меня из-под голландского каппи, то есть чепца. Они были такими большими, что, казалось, занимали все лицо, и это придавало незнакомке сходство с зуйком, которого буры зовут «диккоп»; так или иначе, ничто другое в ее облике мне в память не врезалось.

Я остановил своего пони и уставился на девочку; меня обуяла робость, и я не знал, что следует сказать. Некоторое время она смотрела на меня, тоже пребывая, похоже, в растерянности, а потом сделала над собою усилие и заговорила. Голос у нее оказался нежный и приятный.

— Ты тот маленький Аллан Квотермейн, который будет изучать французский вместе со мной? — спросила она по-голландски.

— Он самый, — ответил я на том же языке, который хорошо знал. — Но почему ты зовешь меня маленьким, мисси? Я ведь выше тебя!

Пускай я был юн, мой невысокий рост уже тогда заставлял меня страдать.

— Думаю, что не выше, — сказала она рассудительно. — Слезай с лошади, и мы померимся вон тут, у стены.

¹ *Клипшпрингер* — антилопа-прыгун, широко распространенная в Африке.

Делать нечего, я спешился, уверил девочку, что не ношу обуви на каблуке (на мне были башмаки из шкур, буры называют такие вельдскунами), и она приложила табличку для письма, которую держала в руках, — явно из той древесины, что идет на крыши, — к моим непокорным вихрам, торчащим вверх так, как торчат они и сейчас, и провела карандашом жирную черту на мягком песчанике стены.

— Вот, — произнесла она, — это твой рост. А теперь, маленький Аллан, измерь меня.

Я послушался, и оказалось, что она выше меня на добрых полдюйма!

— Ты встала на цыпочки! — обвинил я ее от смущения.

— Маленький Аллан, — ответила она серьезно, — вставать на цыпочки — значит обманывать Господа нашего, а когда ты узнаешь меня получше, то поймешь, что у меня, конечно, дурной нрав и много других грехов, но я никогда не обманываю.

Должно быть, мое лицо выражало растерянность и терзавший меня стыд, потому что девочка продолжила тем же самым серьезным, взрослым тоном:

— Почему ты злишься, что Господь сделал меня выше, чем тебя? Я ведь на несколько месяцев старше, как сказал мне мой отец. Давай напишем наши имена у этих меток, чтобы через год или два ты сам убедился, насколько меня перерос.

Тем же самым карандашом, сильно надавливая, чтобы надпись не стерлась, она нацарапала «Мари» у своей метки, а потом я написал «Аллан» у своей.

Увы! Несколько лет назад судьбе было угодно вновь привести меня в Марэфонтейн. Дом давно перестроили, но вот садовая стена стояла по-прежнему. Я подъехал к ней и присмотрелся: имя Мари еще угадывалось на камне, как и метка моего роста. Однако мое собственное имя и прочие метки, оставленные позднее, исчезли, ибо за сорок с лишним лет песчаник местами осыпался. Да, сохранился лишь «автограф» Мари, и когда я увидел эту надпись, мне стало, пожалуй, еще хуже, чем в тот день, когда я обнаружил, кому принадлежала старая Библия, купленная мной на рыночной площади Марицбурга.

В общем, я поспешил уехать оттуда и даже не потрудился поинтересоваться, в чьи руки перешла ферма. Проскакал сквозь персиковый сад, деревья которого — те же или новая поросль — снова были в цвету, ибо стояло то самое время года, когда мы

с Мари впервые встретились. И не думал останавливаться добрый десяток миль.

Итак, пока мы росли, Мари всегда была на полдюйма выше, чем я, а насколько она превосходила меня силой духа и рассудительностью, о том и вовсе не скажешь словами.

Когда мы закончили мериться ростом, Мари повела меня к дому. Она притворилась, будто только-только заметила красивую дрофу и двух корхаанов, свисавших с моего седла, а также тушу клипшпрингера, которую вез готтентот Ханс.

— Это ты их застрелил, Аллан Квотермейн? — спросила она.

— Да, — гордо ответил я. — Я убил их четырьмя выстрелами, а пау и корхааны вдобавок летели, а не сидели на земле. И тебе такого никогда не сделать, хоть ты и выше меня, мисс Мари.

— Не знаю, — проговорила она задумчиво. — Вообще-то, я стреляю очень хорошо, отец научил меня, но выстрелить в живое существо я могу, только если голод вынудит, потому что убивать жестоко. Правда, мужчины думают иначе, — добавила она торопливо, — и ты наверняка однажды станешь великим охотником, Аллан Квотермейн, раз уже сегодня так метко стреляешь.

— Надеюсь, — проворчал я, покраснев от похвалы. — Я люблю охотиться, а когда вокруг столько дичи, никому не повредит, если прикончить парочку-другую. Между прочим, я подстрелил эту добычу для тебя и твоего отца.

— Тогда идем и отдадим дичь ему. Он поблагодарит тебя.

Мари провела меня сквозь ворота в стене из песчаника на двор фермы. Там стояли загоны, куда загоняли на ночь лошадей и лучший племенной скот. Потом мы миновали торец длинного одноэтажного дома, сложенного из камня и побеленного, и приблизились к веранде — буры называют такие пристройки ступами.

На широкой веранде, откуда открывался чудесный вид на холмистую, похожую на парк местность, где росли купами мимозы и другие деревья, сидели двое мужчин. Они пили крепкий кофе, хотя время только близилось к десяти утра¹.

Заслышав цокот копыт, один из мужчин, минхеер Марэ, с которым я уже познакомился, привстал со своего обтянутого шкурой кресла. Да, он несколько не походил на буров, по обыкновению флегматичных, — ни повадками, ни темпераментом; скорее, выглядел и вел себя как типичный француз, пускай никто из

¹ Имеется в виду, что мужчины пили кофе с добавлением спиртного.

членов его семейства не ступал ногой на французскую землю целых сто пятьдесят лет. Это сходство с французами бросилось мне в глаза позднее, тогда-то я, разумеется, о них лишь слышал.

Его собеседник, тоже француз, по имени Леблан, был человеком совсем другого склада. Приземистый, он отличался широкими плечами и массивной головой; на макушке блестела лысина, однако ниже, над ушами, волосы стального отлива пушились этаким венчиком и падали на плечи, придавая Леблану сходство с монахом — правда, те, хотя и выбривали тонзуру, все-таки причесывались. У него были голубые водянистые глаза, безвольный рот, бледные дряблые щеки... Когда хеер Марэ встал, я, будучи наблюдательным юношей, заметил, как мсье Леблан протянул дрожащую руку и подлил себе в кофе жидкости из бутылки темного стекла; судя по запаху, там был персиковый бренди.

Пожалуй, стоит признаться сразу, что бедняга пил, и это объясняет, почему, при всей его образованности и немалых талантах, он занимал скромный пост учителя на отдаленной бурской ферме. Многие годы назад во Франции он совершил преступление — под несомненным влиянием выпитого. Не знаю, что именно он сделал, и никогда не стремился это выяснить. После содеянного ему пришлось бежать в Кап, спасаясь от преследования. Здесь он поначалу сделался профессором в одном колледже, но как-то раз явился на лекцию в сильном подпитии, и его выгнали. То же самое случалось с ним в нескольких других городах, и в конце концов он осел в далеком Марэфонтейне, где наниматель снисходительно относился к его слабости, ибо ценил дух интеллектуального товарищества, которого жаждала душа фермера. Кроме того, он воспринимал Леблана как соотечественника, нуждающегося в помощи, а еще их объединяла взаимная и горькая ненависть к Англии и англичанам; для мсье Леблана, который в юности сражался при Ватерлоо и был лично знаком с великим императором Франции, подобное было, надо сказать, вполне естественным.

У Анри Марэ имелись для ненависти свои причины, но о них я расскажу позднее.

— Ах, Мари! — воскликнул он по-голландски. — Ты его все-таки нашла!

Потом повернулся ко мне и кивнул:

— Вы должны быть польщены, молодой человек. Видите ли, эта мисси просидела два часа на солнце, поджидая вас, хотя я объяснял, что раньше десяти вы вряд ли появитесь. Ведь ваш

отец, проповедник¹, упомянул, что вы отправитесь в путь после завтрака. Что ж, ее нетерпение понятно, ибо ей тут одиноко, а вы с нею ровесники, хоть и принадлежите к разным нациям...

При этих словах его лицо помрачнело.

— Отец! — укорила Мари, и личико ее вспыхнуло румянцем, который я мог различить даже под чепцом. — Я сидела вовсе не на солнце, а в тени дерева. И не просто сидела, а складывала цифры, которые мсье Леблан записал на моей табличке. Вот, смотрите. — И она предъявила табличку, всю покрытую вычислениями. Цифры кое-где немного стерлись от соприкосновения с моими волосами и с ее чепцом.

Тут вмешался мсье Леблан, заговоривший по-французски; я понимал в общих чертах, о чем идет речь, потому что мой отец научил меня основам этого языка, а все, что касалось иностранных языков, я схватывал быстро. Так или иначе я понял, что он спрашивает, не тот ли я *sochon d'anglais*, то есть английская свинья, которую в наказание за его грехи ему предстоит обучать. И добавил, что это должен быть я, поскольку мои волосы (а я снял шляпу из вежливости) торчат, как щетина на хребте свиньи.

С меня было достаточно; прежде, чем кто-то другой успел заговорить, я ответил по-голландски — и гнев сделал меня красноречивым и дерзким.

— Да, это я. Знаете, минхеер, если вы будете меня учить, то, надеюсь, я больше ничего не услышу об английских свиньях.

— Да неужели, *gamin*?² Молю, поведайте, что произойдет, если я осмелюсь повторить эту фразу?

— Думаю, минхеер, — ответил я, побелев от ярости при этом новом оскорблении, — с вами случится то же самое, что случилось с этим животным. — И указал на тушу клипшпрингера на седле Ханса. — Если коротко, я вас застрелю.

— *Peste! Au moins il a du courage, cet nefant!*³ — вскричал изумленный мсье Леблан.

Следует признать, что после этой стычки он зауважал меня и никогда больше не оскорблял при мне мою родину.

Марэ поспешил вмешаться.

¹ Проповедник (*африкаанс*).

² Мальчишка (*фр.*).

³ Черт побери! По крайней мере, он храбр, этот юнец! (*фр.*)

— Это вы свинья, Леблан, а не этот юнец, ибо вы уже пьяны, несмотря на ранний час! Смотрите — бутылка с бренди наполовину пуста! — по-голландски, чтобы я понял, воскликнул он. — Вот какой пример вы подаете молодым! Еще раз скажете что-либо подобное, и я отправлю вас умирать от голода в вельде. Аллан Квотермейн, вы, верно, слышали о моей нелюбви к англичанам, однако я должен попросить у вас прощения. Надеюсь, вы простите мне слова, которые произнес этот негодяй, уверенный, что вы их не поймете! — Тут он снял шляпу и поклонился мне столь же величественно, как его предки, должно быть, кланялись королям Франции.

Лицо Леблана вытянулось. Он поднялся и удалился нетвердым шагом, чтобы, как я узнал позже, окунуть голову в бочку с холодной водой и выпить пинту свеженадоенного молока; таковы были его излюбленные противоядия от чрезмерных возлияний. Примерно полчаса спустя, когда Леблан присоединился к нам и мы приступили к уроку, он был почти трезв и изысканно вежлив.

После того как француз ушел, а мой юношеский гнев слегка остыл, я передал хееру Марэ теплые слова своего отца, а также попросил принять в дар антилопу и птиц; могу поклясться, что второе понравилось ему куда больше первого. Мои седельные мешки отнесли в приготовленную для меня комнату, крошечную, находящуюся по соседству с той, которую занимал мсье Леблан, а Хансу велели отвести наших лошадей на местное пастбище и строго наказали стреножить их, чтобы те не ускакали домой.

Покончив с этим, хеер Марэ показал мне помещение для наших с Мари занятий — ситкаммер, или гостиную; в отличие от большинства бурских хозяйств, на этой ферме было сразу две гостиных. Помню, что пол в комнате был из даги — так называют смесь кусков термитника с коровьим навозом. Пока этот «раствор» еще не застыл, в него насыпают гальки, чтобы полы не изнашивались под ногами; получается не то чтобы красиво, но надежно и даже приятно глазу. Что касается остального, в помещении было одно окно, выходявшее на веранду и пропускавшее достаточно затененного света, тем более что оно всегда было распахнуто настежь; потолок образовывали стебли тростника, которые не стали покрывать штукатуркой; в углу стоял большой книжный шкаф со множеством французских книг, в основном принадлежавших мсье Леблану, а середину комнаты занимал крепкий и грубый стол из местной светлой древесины, также служив-

ший разделочной колодой. Еще припоминаю цветную литографию с изображением великого Наполеона — картину сражения, где он одержал очередную победу: император восседает на белом жеребце и машет фельдмаршалским жезлом, а у копыт коня высятся горы тел — убитые и раненые. Близ окна, прямо в тростнике потолка, свила гнездо пара краснохвостых стрижей; милые пичуги, они щебетали и порхали туда и сюда, и это неизменно развлекало нас с Мари в перерывах между занятиями.

В тот же день я отправился исследовать это привлекательное место, посчитав, что никто мне не помешает, но внезапно был остановлен диковинным звуком, который доносился из темного угла у книжного шкафа. Гадая, что это за звук, я осторожно приблизился и увидел облаченную в розовое фигурку, стоявшую в углу, точно наказанный ребенок. Она прижималась лбом к стене и тихо плакала.

— Мари Марэ, почему ты плачешь? — спросил я.

Она обернулась, откинула длинные черные волосы, упавшие ей на лицо, и ответила:

— Аллан Квотермейн, я плачу от стыда! Этот пьяница-француз опозорил нашу семью в твоих глазах!

— Подумаешь! — воскликнул я. — Он всего-то назвал меня свиньей, а я показал ему, что и у свиньи бывают клыки.

— Ты смелый, — сказала она, — но Леблан имел в виду не только тебя, а всех англичан, которых он люто ненавидит. И хуже всего то, что мой отец с ним заодно! Он тоже ненавидит англичан. О, я уверена, что эта ненависть навлечет беду, настоящую беду, и многие погибнут!

— Даже если так, мы же ничего не можем поделать, правда? — спросил я с беззаботностью, столь свойственной юности.

— Почему ты так уверен? — возразила Мари строгим тоном. — Тсс! Я слышу, мсье Леблан идет!

Глава II

НАПАДЕНИЕ НА МАРЭФОНТЕЙН

Нисколько не намереваюсь описывать в подробностях годы, проведенные за изучением французского языка и прочих предметов, которые нам преподавал мсье Леблан. Он был человеком ученым, однако настроенным весьма предвзято. Вот уж действи-

тельно «было бы о чем говорить, сэръ!»! Когда мсье Леблан бывал трезв, казалось, что попросту не может быть наставника более мудрого и сведущего, пускай он нередко отвлекался от основной темы и принимался рассуждать о всяческих побочных вопросах, которые сами по себе были небезынтересны. Стоило же ему выпить, он воодушевлялся и мучил нас рассуждениями о политике и религии — точнее, о вреде последней, поскольку отличался изрядным свободомыслием; надо отдать ему должное, он знал за собой эту слабость и проявлял определенную осмотрительность, а потому ни разу на моей памяти не заводил подобных речей с хеером Марэ. Добавлю, что нечто вроде юношеского кодекса чести не позволяло нам рассказывать другим о вольномыслии француза. Когда же он напивался до беспамятства (а это случалось не чаще раза в месяц), то просто засыпал на занятиях, и мы могли делать что вздумается — опять-таки, соображения чести не позволяли нам выдавать учителя.

В целом мы хорошо ладили, поскольку мсье Леблан после той, первой стычки при знакомстве был неизменно вежлив со мной. Мари он восхищался, как и все вокруг, начиная с ее отца и вплоть до ничтожнейшего раба. Признаюсь, что я был очарован ею сильнее всех прочих, вместе взятых; сначала вследствие той привязанности, которая нередко возникает у детей, а потом, когда мы повзрослели, по настоящей любви, что одновременно порождалась этим восхищением и проистекала из него. Пожалуй, было бы странно, не возникни рано или поздно такое чувство между нами, ибо мы проводили вдвоем и без присмотра половину каждой недели; вдобавок Мари, нравом светлая, как ясный день, никогда не скрывала своего расположения ко мне. Смею заметить, что внешне ее отношение было вполне приличным и достойным, почти сестринским или даже материнским, как будто она никогда не забывала, что выше меня на полдюйма и старше на несколько месяцев.

Более того, с самого детства она была женщиной, как говорят ирландцы, и такой ее сделали обстоятельства жизни и собственный характер. Приблизительно за год до нашей встречи ее матушка, чьей единственной дочерью она была и кого она уважала и любила всем сердцем, скончалась от продолжительной болезни, и Мари пришлось взять на себя заботы об отце и о хозяйстве. Думаю, она казалась старше и серьезнее оттого, что на ее плечи легло бремя, слишком тяжелое для столь юного создания.

Время шло, я тайно восхищался Мари и преклонялся перед нею мысленно, но ни словом не обмолвился о своих чувствах, а Мари разговаривала со мной так, словно я был ее ненаглядным младшим братом. Никто — ни наши отцы, ни мсье Леблан — не замечал этих удивительных отношений и, похоже, не догадывался, что они способны привести к трагическим осложнениям, весьма и весьма печальным для всех, по причинам, которые я изложу далее.

Разумеется, со временем, как всегда бывает, эти осложнения не замедлили проявиться, и в условиях, что сопровождалось немалой физической и душевной ажитацией, правда вышла наружу. Случилось все вот каким образом.

Всякий, кому интересна история Капской колонии, наверняка слышал о великой Кафрской войне 1835 года¹. Боевые действия развернулись тогда преимущественно в округах Олбани и Сомерсет, а нас, жителей округа Крэдок, война почти не затронула. Что естественно для обитателей глухих мест, мы воспринимали происходящее с оптимизмом и не задумывались об опасности, даже начали верить, что уж нам-то ничто не угрожает. Возможно, все бы и вправду обошлось, когда бы не глупость мсье Леблана.

Если мне не изменяет память, в воскресенье — этот день недели я всегда проводил дома с отцом — мсье Леблан в одиночку отправился верхом в холмы, расположенные милях в пяти от Марэфонтейна. Француза неоднократно предупреждали, что это небезопасно, однако глупцу отчего-то втемяшилось в голову, будто в тех местах есть богатая медная жила, и он не хотел делиться ни с кем своим секретом. Потому по воскресеньям, когда занятий не бывало, а хеер Марэ, к отвращению француза, посвящал время молитвам, Леблан уезжал в холмы, собирал геологические образцы и пытался проследить, как залегают пресловутая жила. Конкретно в то воскресенье было очень жарко; завершив изыскания, он спешился, отпустил пастись свою смирную старую кобылу и перекусил прихваченным в дорогу запасом, где на-

¹ Имеются в виду боевые действия на востоке Капской колонии между британскими и голландскими колонистами и южноафриканским народом коса. В ходе этой войны бурский отряд под командованием П. Ретифа разгромил войско коса у горы Винтерберг. Эта война и потери среди фермеров-буров в результате нападений туземцев стали одной из причин Великого трека: губернатор Ретиф и его сторонники рассчитывали, что в Натале будет намного безопаснее.

шла и бутылочка персикового бренди; а спиртное по жаре навевает сон.

Проснувшись ближе к вечеру, Леблан понял, что лошадь пропала, и почему-то вдруг вообразил, что животное украли кафры¹, хотя на самом деле кобыла попросту убрела за гребень холма. В общем, он побегал туда и сюда в поисках лошади, взобрался наконец на холм и увидел, как двое красных кафров, вооруженных, по обычаю, ассегаями, уводят куда-то беглянку. Потом-то выяснилось, что эти кафры действительно наткнулись на лошадь, сразу сообразили, кто ее хозяин, и пошли его искать — тем утром они видели француза верхом и собирались вернуть ему пропажу. Но ни о чем подобном мсье Леблан даже не задумался, ибо его замутненное сознание по-прежнему пребывало под воздействием паров персикового бренди.

Он поднял свою двустволку и выпалил в первого «похитителя», молодого кафра, который оказался старшим сыном и наследником вождя местного племени. Стрелял он едва ли не в упор и убил несчастного на месте. Второй кафр выпустил поводья лошади и кинулся бежать, спасая свою жизнь. Леблан выстрелил снова — и легко ранил беглеца в бедро; так или иначе тому удалось ускользнуть, он вернулся домой и поведал сородичам эту историю, которую в округе сочли жестоким и преднамеренным убийством. Что касается пьяницы-француза, тот взгромоздился на свою старую кобылу и неспешно поехал обратно на ферму. По дороге пары спиртного развеялись, он стал терзаться сомнениями, а потому решил ни о чем не рассказывать Анри Марэ, который, как хорошо знал мсье Леблан, всячески избегал ссор с местными кафрами.

Этому решению Леблан и последовал, по приезде завалившись спать. На следующее утро, еще до того как француз проснулся, ни о чем не подозревавший хеер Марэ уехал на соседнюю ферму, милях в тридцати от его собственной, чтобы расплатиться с ее владельцем за недавно приобретенный скот, и оставил дом и дочь без защиты — на ферме были лишь Леблан и несколько слуг-туземцев, фактически рабов.

¹ *Кафры* — общее название независимых (от европейцев) темнокожих племен Южной Африки, среди которых особо выделяли зулусов. Сам термин был унаследован британцами от арабов, которые именовали «красными кафрами» (кяфирами) тех туземцев, что не принимали ислам; по мусульманским картам, территория красных кафров простиралась от мыса Доброй Надежды до Драконовых гор.

Вечером я улегся в постель в обычное время, а спал я всю жизнь как бревно. Около четырех часов утра меня разбудил стук в окно. Приподнявшись на кровати, я нашарил в темноте свой пистолет, подкрался к окну и, держа голову ниже подоконника, чтобы незваный гость не мог нанести удар ассегам, тихо спросил, кто там и что нужно.

— Это я, баас! — ответил готтентот Ханс, слуга, который, напомним, сопровождал меня в мою первую поездку в Марэфонтейн. — У меня дурные новости. Слушай меня, баас. Я уходил искать рыжую корову, что сбежала. Я нашел ее и заснул рядом с нею под деревом среди вельда. А два часа назад знакомая женщина пришла к моему костру и разбудила меня. Я спросил, что она делает в вельде среди ночи, и она ответила, что пришла кое о чем мне рассказать. Оказалось, молодые воины из племени вождя Кваби, что живет вон в тех холмах, гостили у них в краале, а вечером прибежал гонец и велел им немедленно возвращаться, потому что сегодня на рассвете племя нападет на Марэфонтейн и убьет всех, пощадит только скот.

— Великие Небеса! — вскричал я. — За что?

— За то, молодой баас, — отвечал мне готтентот с другой стороны окна, — что кто-то из Марэфонтейна убил в воскресенье сына Кваби за кражу лошади. Думаю, это был Стервятник. — (Так туземцы прозвали Леблана за его лысую макушку и нос с горбинкой.)

— Великие Небеса! — повторил я. — Старый дурак, верно, опять напился! Когда, ты говоришь, они нападут? На рассвете? — Я посмотрел на звезды, прикидывая время. — Да это же через час! А баас Марэ в отъезде!

— Да, — ответил Ханс. — На ферме одна мисси Мари. Подумай, что сделают злобные красные кафры с мисси Мари!

Я ткнул кулаком в круглое, лягушачье лицо готтентота, бледным пятном маячившее в свете звезд.

— Пес! — прошипел я. — Седлай мою кобылу и своего чалого жеребца и прихвати ружье. Выезжаем через две минуты. Поторопись, или я убью тебя!

— Иду, — ответил он и исчез в ночи, точно перепуганная змея.

Я принялся одеваться и громко закричал, чтобы разбудить остальных. Когда мой отец и наши кафры вбежали в комнату, я быстро пересказал им новости.

— Разошлите гонцов, — сказал я. — Известите Марэ, он на ферме Боты, и остальных соседей. Поспешите, если вам дорога

жизнь! Соберите всех дружественных кафров и двигайтесь к Марэфонтейну. Не спорь со мной, отец, не надо! Делайте, что я говорю. Погодите-ка! Принесите мои ружья, наполните седельные мешки порохом и зарядами и привяжите к седлу. Теперь все. Ну же, шевелитесь!

Слуги засуетились, забегали по дому, освещая себе дорогу свечами и фонарями. Две минуты спустя — вряд ли прошло больше времени — я стоял перед конюшней, а Ханс уже выводил гнедую кобылу, на покупку которой два года назад я истратил все свои деньги. Пока я затягивал подпругу, кто-то привесил к седлу мешки, а другой слуга вывел наружу крепкого чалого жеребца, который, как я знал наверняка, последует за моей кобылой куда угодно. Седлать его было некогда, так что Ханс взобрался на голую конскую спину, точно обезьяна, сжимая под мышкой два ружья; у меня при себе было третье — и еще двустольный пистолет.

— Пошли гонцов! — крикнул я отцу. — Если не желаешь мне смерти, отправь их прямо сейчас и поезжай следом за мной со всеми людьми, которых найдешь!

Мы поскакали в ночь. Предстояло проехать пятнадцать миль, а до рассвета оставалось чуть больше получаса.

— Не гони сразу, — посоветовал я Хансу. — Пусть лошади наберут ход, а там уж полетим, будто за нами черти гонятся.

Первые две мили мы поднимались по склону не слишком быстро. Я думал, что подъем никогда не закончится, но все же не осмеливался подгонять свою кобылу, чтобы та не задыхнулась. По счастью, она и ее приятель, конь весьма выносливый, пусть и не такой резвый, отдохали последние тридцать часов и не ели и не пили с самого заката. Потому они как нельзя лучше подходили для моей затеи; кроме того, мы с Хансом оба весили немного.

Я придержал кобылу на гребне холма, чтобы жеребец нас нагнал. Перед нами раскинулась широкая равнина, по которой предстояло проскакать одиннадцать миль, а потом еще две мили вниз, к Марэфонтейну.

— Ну! — сказал я, обращаясь к Хансу и ослабляя поводья. — Догоняй, если сумеешь!

Кобыла устремилась вперед, и ночной воздух словно запел у меня в ушах, а следом летел верный чалый жеребец с обезьяной-готтентотом на спине. О, что это была за скачка!

Мне приходилось преодолевать верхом и более дальние расстояния, но никогда я не гнал лошадь на такой скорости, ибо знал силу своих животных и пределы их выносливости. Пожалуй, они выдержат с полчаса, а потом, если не остановить их, почти наверняка падут замертво.

Однако терзавший меня страх был столь велик, что мне казалось, будто мы ползем по равнине как черепахи.

Жеребец постепенно отстал, топот его копыт затих позади, и я остался наедине с ночью и со своими страхами. Моя лошадь покрывала мило за милей, звездный свет порою выхватывал из мрака то камень, то кости мертвых животных. Потом я ворвался в бегущее стадо антилоп, да столь неожиданно для себя и для них, что крупный самец, будучи не в силах остановиться, прыгнул прямо перед мордой моей кобылы. Далее кобыла угодила копытом в нору, оставленную муравьедом, и чуть не рухнула, но сумела устоять — хвала Господу, ничуть не пострадала! — а я кое-как вскарабкался обратно в седло, из которого едва не выпал. О, если бы это произошло!..

Мы приближались к месту, где начинался спуск к ферме, и кобыла начала задыхаться. Должно быть, я все-таки ее загнал, слишком уж быстро мы мчались. На невысоком подъеме к гребню, за которым лежал спуск, ее полет сменился обычным галопом. Зато за спиной я снова различил топот копыт чалого жеребца. Тот будто не ведал устали и неуклонно нас нагонял. На гребне мы очутились сразу друг за дружкой, нас разделяло не более пятидесяти ярдов, и жеребец тихо заржал.

Наконец начался спуск. Утренняя звезда мало-помалу тускнела, небо на востоке серело в преддверии рассвета. Успеем ли мы добраться до фермы прежде, чем взойдет солнце? Успеем ли? Успеем ли? Эти слова чудились мне в стуке копыт моей лошади.

Я различал деревья, окружавшие Марэфонтейн. И тут моя лошадь проскочила сквозь нечто, оказавшееся цепью чернокожих людей. Я понял это после того, как мы их уже миновали. Догадка озарила меня, когда в неверном утреннем свете блеснуло острое копьё, принадлежавшего сбитому мной воину.

Значит, Ханс не солгал! Кафры пришли мстить! Внезапно на меня обрушилась другая мысль, от которой захолодело сердце: а что, если они уже завершили свою злодейскую работу и теперь уходят?

Минута — или несколько секунд — сомнений показалась мне вечностью. Но и она все же оборвалась. Я подскакал к калитке

СОДЕРЖАНИЕ

МАРИ. Эпизод из жизни покойного Аллана Квотермейна
Перевод К. Королева

Посвящение	7
Предисловие	9
Примечание издателя	10
Глава I. Аллан учит французский	15
Глава II. Нападение на Марэфонтейн	26
Глава III. Спасение	40
Глава IV. Эрнанду Перейра	52
Глава V. Поединок	65
Глава VI. Расставание	80
Глава VII. Аллана зовут на помощь	92
Глава VIII. Лагерь смерти	105
Глава IX. Обещание	117
Глава X. О чем говорила фру Принслоо	127
Глава XI. Выстрел в овраге	141
Глава XII. Решение Дингаана	155
Глава XIII. Репетиция	166
Глава XIV. Представление	176
Глава XV. Ретиф просит об одолжении	188
Глава XVI. Совет	203
Глава XVII. Свадьба	215
Глава XVIII. Договор	223
Глава XIX. Ступайте с миром	242
Глава XX. Трибунал	255
Глава XXI. Кровь невинных	269

ДИТЯ БУРИ. *Перевод А. Крышана*

Посвящение	287
От автора	290
Глава I. Аллан Квотермейн узнает о Мамине	293
Глава II. Зелье старого колдуна	310
Глава III. Буйвол с обломанным рогом	326
Глава IV. Мамина	337
Глава V. Соперничество	353
Глава VI. Засада	364
Глава VII. Свадебный подарок Садуко	379
Глава VIII. Дочь короля	389
Глава IX. Аллан возвращается в Зулуленд	403
Глава X. Разоблачение	417
Глава XI. Грех Умбелази	433
Глава XII. Просьба Панды	447
Глава XIII. Предательство	458
Глава XIV. Умбези и королевская кровь	476
Глава XV. Мамина требует поцелуя	483
Глава XVI. Мамина... Мамина... Мамина!..	506

ОБРЕЧЕННЫЙ. *Перевод Н. Машкиной*

Предисловие	521
Глава I. Аллан Квотермейн знакомится с Энскомом	523
Глава II. Мистер Марнхем	533
Глава III. Загнанные охотники	542
Глава IV. Доктор Родд	554
Глава V. Игра в карты	567
Глава VI. Мисс Хеда	575
Глава VII. Веранда	585
Глава VIII. Последний козырь Родда	594
Глава IX. Бегство	608
Глава X. Номбе	618
Глава XI. Зикали	628
Глава XII. В ловушке	640
Глава XIII. Кечвайо	651

Глава XIV. Долина костей	662
Глава XV. Большой совет	671
Глава XVI. Война	681
Глава XVII. Печальное известие	697
Глава XVIII. Изандлвана	709
Глава XIX. Пробуждение	723
Глава XX. Рассказ Хеды	732
Глава XXI. Визит короля	746
Глава XXII. Безумие Номбе	761
Глава XXIII. Обреченный	770

МАГЕПА ПО ПРОЗВИЩУ АНТИЛОПА

<i>Перевод Н. Машкиной</i>	781
----------------------------------	-----

Хаггард Г. Р.

X 13 Мари ; Дитя Бури ; Обреченный : романы ; Магепа по прозвищу Антилопа : рассказ / Генри Райдер Хаггард ; пер. с англ. К. Королева, А. Крышана, Н. Машкиной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 800 с. : ил. — (Мир приключений).

ISBN 978-5-389-10401-3

Бесстрашный охотник Аллан Квотермейн по прозвищу Макумазан, что означает «человек, который встает после полуночи», никогда не любил сырости и чопорности родной Англии, предпочитая жаркий пыльный простор африканского вельда; его влекли неизведанные, полные опасностей земли Черного континента, где живут простодушные и жестокие, как все дети природы, люди, где бродят стада диких буйволов и рычат по ночам свирепые львы. Вот эта жизнь была по нраву Квотермейну — любимому герою замечательного писателя Генри Райдера Хаггарда, который посвятил отважному охотнику множество книг.

Цикл приключений Аллана Квотермейна продолжают «Мари», «Дитя Бури», «Обреченный», «Магепа по прозвищу Антилопа». Эти произведения выходят в новых, полных переводах, с сохранением примечаний английских издателей (конец XIX века). Книга иллюстрирована классическими рисунками Артура Майкла и замечательной графикой Елены Шипицкой.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ГЕНРИ РАЙДЕР ХАГГАРД

МАРИ

ДИТЯ БУРИ

ОБРЕЧЕННЫЙ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редакторы Дина Бабикина, Алла Косакова, Ирина Тарасенко
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Татьяна Бородулина, Елена Шнитникова,
Валентина Гончар
Обработка иллюстраций Александра Лютикова, Валерия Макарова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 30.10.2017. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 50. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайте: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросу приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/



H-MPR-18438-01-R